

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ЛЕГЕНДЫ КРЫМА



МОСКВА
2023

УДК 398.2(477.75)
ББК 82.3(2)
Л38

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении переплета использованы фрагменты работ художника *Льва Лагорио*

Л38 **Легенды Крыма / Никандр Маркс.** — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-191144-7

Никандр Александрович Маркс (1861–1921) — генерал-лейтенант царской армии, археолог и фольклорист.

Впервые «Легенды Крыма» были напечатаны в газете «Утро России» в 1912–1913 гг. Крым был родовым гнездом писателя. Там, неподалеку от Кара-Дага, в Отузах, находился дом его предков. С каждым ущельем, с каждой горной вершиной связаны предания, которые переходили из уст в уста и бережно сохранялись местными жителями. Сборник погрузит читателя в удивительный мир крымского фольклора, уникальную культуру и традиции полуострова.

В книгу также вошла статья Максимилиана Волошина об авторе — «Путник по вселенным. Дело Н. Маркса».

УДК 398.2(477.75)
ББК 82.3(2)

ISBN 978-5-04-191144-7

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

.....
————

Выпуск первый

————
.....



ОКАМЕНЕЛЫЙ КОРАБЛЬ

Кохтебельская легенда

Взойдите на Отлу-кая и поглядите на Кохтебельский залив. Что за вид! Море синей эмалью врезалось в широкий, ласковый пляж и слилось на горизонте с лазурью южного неба. Как крыло чайки, бросившейся в волну, белеют паруса турецких фелюг, и дымок парохода убегает за дальний мыс Киик-Атлама.

Ушли все, и только один парус застыл на месте. Дни и ночи, годы, сотни и тысячи лет он не движется с места. Окаменел.

И моя мать рассказывала, бывало, в детстве, как это случилось.

Святая Варвара скрывалась в крымских горах. По пятам преследовал ее старый отец — Диоскур и, наконец, почти нагнал у Сугдеи.

Но не настало еще время Варваре принять мученический венец. Одна гречанка из Фул, не-

большого городка между Карадагом и Отузами, узнав, что гонимая — христианка, приютила ее у себя; укрыла на время от преследования. И случилось чудо. Сад гречанки, побитый морозом, вновь пышно зацвел, а глухонемой ее сын стал различать речь. Заговорили об этом кругом. Дошла весть и до язычника-отца. Догадался Диоскур, кто скрывается у гречанки, и ночью окружил ее дом.

Как была, в одной рубашке, бросилась Варвара к окну и, не замеченная преследователями, с именем Иисуса на устах бросилась в колодец. Поддержали упавшую Божии ангелы и отнесли подальше от Фул, к подножью Отлу-кая.

В эту ночь у Отлу-кая остановилась отара овец. Задремавший пастух, молодой тавр, был донельзя поражен, когда рядом с собой увидел какую-то полунагую девушку.

— Кто ты, зачем пришла сюда, как не тронули тебя мои овчарки?

И Варвара не скрыла от пастуха, кто она и почему бежала.

— Глупая ты, от своих богов отказываешься. Кто же поможет тебе в горе и беде? Нехорошее дело ты затеяла.

Но, заметив слезы на глазах девушки и как дрожит она от холода, пожалел ее, завернул в свой чекмень.

— Ложись, спи до утра. Ничего не бойся.

Было доброе намерение у пастуха.

Прошептав святое слово, уснула Варвара под кустом карагача.

Раскинулись пышные волосы, разметалась вся, красавицей лежала.

И не выдержал пастух. Нехорошо поглядел на нее. Бросился к ней с недоброй мыслью, забыв долг гостеприимства. Бросился и... остолбенел, а за ним застыло и все стадо. Окаменели все. Только три овчарки, которые лежали у ног святой, остались, по назначению Божию, охранять ее до утра.

С первым утренним лучом проснулась Варвара и не нашла ни пастуха, ни стада. Вокруг нее и по всему бугру, точно овцы, белели странные камни, и между ними один длинный, казалось, наблюдал за остальными. Жутко стало на душе девушки. Точно случилось что. И побежала она вниз с горы, к морскому заливу. Впереди бежали три овчарки, указывая ей путь в деревню. Удивились в деревне, когда увидели собак без стада. Не знала ничего и Варвара. Только потом догадались.

У деревни, в заливе, отстаивался сирийский корабль. Он привез таврам разные товары и теперь ждал попутного ветра, чтобы вернуться домой.

Донес ветерок до слуха Варвары родную сирийскую речь. Пошла она к корабленачальнику и стала просить взять ее с собой. Нахмурился

суровый сириец, но, поглядев на красавицу девушку, улыбнулся. Недобрая мысль пробежала в голове.

— Хоть и нет у нас обычая возить с собой женщин, а тебя возьму. Ливанская ты.

Радовалась Варвара, благодарила. Еще не было у нее дара предугадывать будущее.

Подул ветер от берега. Подняли паруса, и побежал корабль по морской волне.

Варвара зашла за мачту и сотворила крестное знамение. Заметил это корабленачальник и опять нехорошо улыбнулся: «Тем лучше!» — а потом позвал девушку к себе в каюту и стал допытывать: как и что. Смутилась Варвара и не сказала правды. Жил в душе Иисус, а уста побоялись произнести Его имя язычнику. И затемнились небеса; с моря надвинулась зловещая, черная туча; недобрым отсветом блеснула далекая зарница. Упала душа у Варвары. Поняла она гнев Божий. На коленях стала молить простить ее. А навстречу неслась боевая триера, и скоро можно было различить седого старика, начальствовавшего ею. Узнала Варвара гневного отца; защемило сердце, и, сжав руки, стала призывать имя своего Господа.

Подошел к ней корабленачальник. Все сказала ему Варвара и молила не выдавать отцу. Замучит ее старик, убьет за то, что отступилась от веры отцов.

Но вместо ответа сириец скрутил руки девушки и привязал косой к мачте, чтобы не бросилась в волну.

— Теперь моли своего Бога, пусть тебя Он выручает!

Сошлись корабли. Как зверь, прыгнул Диоскур на сирийский борт, схватил на руки дочь и швырнул ее к подножью идола на своей триере.

— Молись ему!

А Варвара повторяла имя Иисуса.

— Молись ему! — И Диоскур ткнул ногой в прекрасное лицо дочери.

— За тебя молюсь моему Христу, — чуть слышно прошептала святая мученица и хотела послать благословение и злому сирийцу, но не увидела его.

Налетел бешеный шквал, обдал сирийский корабль пеной и точно белой корой покрыл его.

Налетел другой, и на минуту не стало ничего видно. А когда спала волна, то на месте корабля выдвинулась из недр моря подводная скала, точно бывший корабль.

С тех пор прошли века. От камней Варварина стада немного осталось на прежнем месте. Новые люди повели по-иному жизнь, и на новую дорогу пошли старые камни. Только окаменелый корабль остался недвижим.

Не дошел до него черед.

— Мама, — замечал я в детстве, — да ведь это просто подводная скала.

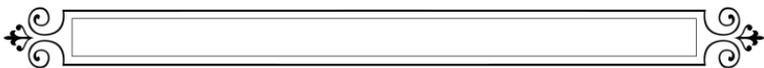
— Конечно так, мой мальчик. Подводная скала для чужих, а для нас, здешних, это народный памятник христианке первых веков.

ПОЯСНЕНИЯ

Легенду эту я слышал от моей матери — Зефиры Павловны Маркс из рода Ставра-Цирули, одного из древних насельников Феодосийской округи. Подводные камни, которые местные жители называют *Окаменелым Кораблем*, лежат в Кохтебельском заливе, между мысом Тапрак-кая и *мысом Киик-Атлама*. *Кохтебель*, нарождающийся курорт для интеллигента среднего достатка, лет двадцать назад представлял из себя пустынный пляж, верстах в двух от которого лежала бедная болгаротатарская деревушка того же имени. (В XIX в. от Феодосии по Судакскому шоссе.) Болгары пришли сюда при императрице Екатерине II, татары с начала XIII века, но местность эта была известна еще Плинию († 79 г.), по словам которого здесь некогда была пристань *тавров*, древнейших жителей Тавриды. Легенда об Окаменелом корабле в устах местных греков связана с именем *св. Варвары*. Как известно, св. Варвара (III век), сирийка по происхождению, действительно бежала от отца, который преследовал ее за принятие ею христианства, но в Крыму она никогда не

была; и если народное предание говорит именно о св. Варваре, то это показывает, насколько имя мученицы было популярно в горах Крыма. Быть может, легенду нужно приурочить к началу XII века, когда были перенесены из Византии в Киев мощи св. Варвары. *Отлу-кая* — небольшая гора по правую сторону шоссе из Кохтебеля в Отузы. У подножья ее продолговатое всхолмье, вершина которого до проведения шоссе в 90-х годах XIX столетия была окаймлена поставленными на ребро плитами, а по скату были разбросаны камни, напоминавшие издали стадо овец. Камни пошли на постройку шоссе, но местные жители до сих пор называют это место *Окаменелым Стадом*. Следует отметить, что на Керченском полуострове, недалеко от деревни Кызильхую, существует *овраг Окаменелых Овец*, но здесь в основе татарской легенды лежит наказание дочери за ее черную неблагодарность отцу. *Отара* — стадо (от — трава, ара — искать).





ЧЕРТОВА БАНЯ

Кадык-койская легенда

Не верьте, когда говорят: нет Шайтана. Есть Аллах — есть Шайтан. Когда уходит свет — приходит тень. Слушайте!

Вы знаете кадык-койскую будку? За нею грот, куда ходят испить холодной воды из скалы.

В прежние времена тут стояла придорожная баня, и наши старики еще помнят ее камни.

Говорят, строил ее один отузский богач. Хотел искупить свои грехи, омывая тела бедных путников. Но не успел. Умер, не достроив. Достроил ее деревенский кузнец-цыган, о котором говорили нехорошее.

По ночам в бане светился огонек, сизый, с багровым отсветом. Может быть, в кагане светился человеческий жир. Так говорили.

И добрые люди, застигнутые ночью в пути, спешили обойти злополучное место.

Был даже слух, что в бане живет сам Шайтан.

Известно, что Шайтан любит людскую наготу, чтобы потом над нею зло посмеяться. Уж конечно, только Шайтан мог подсмотреть у почтенного отузского аги Талипа такой недостаток, что, узнав о нем, вся деревня прыснула от смеха.

Кузнец часто навещал свою баню и оставался в ней день-другой. Как раз в это время в деревне случались всякие напасти. Пропадала лошадь, тельная телка оказывалась с распоротым брюхом, корова без вымени, а дикий деревенский бугай возвращался домой понурым быком.

Все шайтановы штуки! А может быть, и кузнеца. Недаром он так похож на Шайтана. Черный, одноглазый, с передним клыком кабана. Деревня не знала, откуда он родом и кто был его отец; только все замечали, что кузнец избегал ходить в мечеть, а мулла не раз говорил, что из жертвенных баранов на Курбан-байрам самым невкусным всегда был баран цыгана: хуже самой старой козлятины.

Кохтебельский мурзак, который не верил тому, о чем говорили в народе, проезжая однажды мимо грота, сдержал лошадь; но лошадь стала так горячиться, так испуганно фыркать, что мурзак решил в другой раз не останавливаться.

Оглянувшись, он увидел — он это твердо помнит, — как на бугорке сами собой запрыгали шайки для мытья.

И много еще случалось такого, о чем лучше не рассказывать на ночь.

Впрочем, иной раз, как ни старайся, от страшного не уйдешь.

У Османа была дочь, и звали ее Сальгэ. Пуще своего единственного глаза берег ее старый цыган. Однако любовь не перехитришь, и, что случилось у Сальгэ с соседским сыном Меметом, знали лишь он да она. Только и подумать не смел Мемет послать свата. Понимал, в чем дело. И решил бежать с невестой в соседнюю деревню. Как только полный месяц начнет косить — так и бежать.

И смеялся же косой месяц над косым цыганом, когда скакал Мемет из деревни с трепетавшей от страха Сальгэ.

Османа не было дома. Он проводил ночь в бане. Пил заморский арак, от которого наливаются жилы и синеет лицо.

— Наливай еще!

— Не довольно ли? — останавливал Шайтан. — Слышишь скрип арбы? Это козский имам возвращается из Мекки... И грезится старику, как выйдет завтра ему навстречу вся деревня, как станут все на колени и будут кричать: «Святой хаджи!.. Постой, хаджи, еще не доехал!» И прежде чем кузнец подумал, Шайтан распахнул дверь. Шарахнулись волы, перевернулась арба, и задремавший было имам с ужасом увидел, как вокруг него зажглись серные огоньки. Хотел прошептать

святое слово, да позабыл. Подхватила его нечистая сила и бросила с размаху на пол бани.

Нагой и поруганный, с оплеванной бородой, валялся на полу имам, а гнусные животные обливали его чем-то липким и грязным. И хохотал Шайтан. Дрожали стены бани. То-то завтра будет смеху! На коленях стоит глупый народ, ждет своего святого, а привезут пья-нень-кого имама! Не стерпел обиды имам, вспомнил святое слово и очнулся на своей арбе, которая за это время уже отъехала далеко от грота.

— Да будет благословенно имя Аллаха, — прошептал имам и начал опять дремать.

А в бане хохотал Шайтан. Дрожали стены бани.

— Наливай еще! — кричал цыган.

— Постой! Слышишь, скачет кто-то! — И вихрем вынес нечистый приятеля на проезжую тропу.

Шарахнулась со всех четырех ног лошадь Мемета, и свалился он со своей ношей прямо к ногам Шайтана.

— А, так вот кого еще принесло к нам! Души его! — крикнул Шайтан, а сам схватил завернутую в шаль девушку и бросился с ней в баню.

Зарычал цыган и всадил отравленный кинжал по самую рукоять между лопаток обезумевшего Мемета.

А из бани доносился вопль молодого голоса. «Будет потеха, будет хорошо сегодня», — подумал цыган и, шатаясь, пошел к бане.

В невыносимом чаду Шайтан душил распростертую на полу нагую девушку, и та трепетала в последних судорогах.

— Бери теперь, если хочешь!

Обхватил цыган девушку железными руками, прижался к ней... и узнал дочь...

— Згне! — крикнул он не своим голосом слово заклятья.

И исчез Шайтан. Помнил уговор с Османом. Только раз цыган скажет это слово, и только раз сатана подчинится ему.

— Воды, воды, отец!

Бросился Осман к гроту, а грот весь клубился удушливыми серными парами. И не мог пройти к воде Осман. Не знал второго слова заклятья. Упал и испустил дух.

Поутру проезжие татары нашли на дороге три трупа и похоронили их у стен развалившейся за ночь бани.

— Чертова Баня, — назвал с тех пор народ это место.

И я хорошо помню, как в детстве, проезжая мимо грота, наши лошади пугались и храпели.

Не верьте, если вам скажут: нет Шайтана. Есть Аллах — есть Шайтан. Когда уходит свет — приходит тень.

ПОЯСНЕНИЯ

Легенду рассказывал мне местный помещик Мефодий Николаевич Казаков, со слов отузских татар. *Кадык-койская будка* расположена на 23-й версте по шоссе из Феодосии на Судак. На бугре против будки виден след развалин *Шайтаны-хаман*. Раньше, до проведения шоссе, видны были развалины стен и печи. Шагах в тридцати от будки находится укрытый в лесняке красивый горный *грот* с чудной студеной водой. *Шайтан* — дух зла, изгнанный Аллахом из сонма ангелов за то, что он не хотел поклониться Адаму. С тех пор Шайтан мстит человеческому роду, толкая его на все, противное заповедям Аллаха. *Курбан-байрам* — праздник жертвоприношения. Он празднуется в течение четырех дней в двенадцатом лунном месяце года. К этому празднику каждый татарин запасается жертвенной овцой, которую в день праздника закалывает после молитвы муллы. Шкура и лучшая часть овцы идет мулле, кусок баранины — бедным, а остальное на дом. Татарин верит, что душа невинного жертвенного животного поможет душе жертвователя войти в обитель вечной отрады. Как известно, Магомет ввел этот вид жертвоприношения взамен существовавшего у арабов жертвоприношения детей. *Ага* — чиновное, должностное лицо. *Имам* — мулла, священник.



ШАЙТАН И КИЗИЛЬ

Татарское поверье

В Отузах есть поверье — в том году, когда по осени уродится кизиль, быть холодной зиме.

И доказывают это примерами, которые у всех на памяти.

А старики объясняют, почему это так.

Когда Аллах, сотворивший мир, окончил свою работу, на земле настала весна, и почки деревьев в саду земного рая стали одна за другой распускаться.

Потянулась к ним вся живущая тварь, и увидел Аллах, что необходимо установить порядок. Позвал Он всех к Себе и велел каждому выбрать какое-нибудь одно дерево или цветок, чтобы потом только им и пользоваться и не ссориться с другими.

Одни просили одно, другие — другое. Стал просить и Шайтан.

— Подумал, Шайтан? — спросил Аллах.
— Подумал, — сказал, скривив хитрым глазом, нечистый.
— Ну и что же ты выбрал?
— Кизиль.
— Кизиль! Почему кизиль?
— Так, — не хотел сказать правды Шайтан.
— Хорошо, бери себе кизиль, — усмехнулся Аллах.

Весело запрыгал Шайтан, завилял хвостом сразу в обе стороны. Всех надул. Кизиль первым зацвел из деревьев, значит, раньше других созреет его фрукта. Первая фрукта будет всегда самая дорогая; повезет он свой кизиль на базар, хорошо продаст, дороже всех других фрукт.

Настало лето, начали поспевать плоды: черешни, вишни, абрикосы, персики, яблоки и груши, а кизиль все не спеет. Твердый и зеленый. Чешет затылок Шайтан, злится.

— Поспевай скорей.

Не спеет кизиль.

Стал он дуть на ягоду; как пламя, красным стал кизиль, но по-прежнему твердый и кислый.

— Ну, что же твой кизиль? — смеются люди.

Плюнул с досады Шайтан — почернел кизиль.

— Дрянь такая, не повезу на базар, собирайте сами.

Так и сделали. Когда по садам убрали все фрукты, деревенские люди пошли собирать в лес

вкусную, сладкую, почерневшую ягоду и втихомолку подсмеивались над Шайтаном.

— Маху дал Шайтан!

Шайтан не потерпел людской насмешки и отплатил за нее людям.

Знал, что люди жадны. Сделал так, что кизилю на следующую осень уродилось вдвое против прошлогоднего, и, чтобы выспел он, пришлось солнцу послать на землю вдвое больше тепла.

Обрадовались люди урожаю, не поняли Шайтановой проделки.

А солнце обезтеплело за лето, и настала на земле такая зима, что позамерзали у людей сады и сами чуть живы остались.

С тех пор примета: как урожай кизилия — быть холодной зиме, потому что не угомонился Шайтан и по-прежнему мстит людям за насмешку.

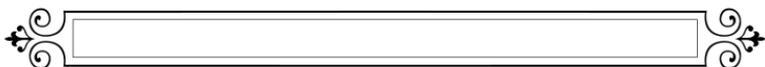
ПОЯСНЕНИЯ

Отузская долина, одна из самых красивых в Крыму, лежит на пути из Феодосии в Судак, в 27 верстах от Феодосии и в 25 от Судака. *Отуз* по-татарски значит — тридцать. Такое название было дано деревне, как полагают, по числу дворов, оставшихся в 1779 г., по выселении греков из этих мест. До этого выселения и в более древнюю пору основным элементом населения были греки, о чем свидетельствуют развалины церквей св. Георгия и Успения Богоматери; название од-

ной из гор, окружающих долину, — *Панастенэ* (Попова гора, гр. папа — поп, тат. тепе — отдельно стоящая гора), а также остатки древнегреческого укрепления в устье долины, у берега моря. Окруженная с трех сторон горами, находясь в стороне от торгового движения, долина эта сохраняла до последнего времени свой особый колорит горной округи с ее поверьями, преданиями и легендами. Но с проведением шоссе, с развитием курортной жизни стала исчезать замкнутость долины, а с нею забываются предания и легенды, а поверья уступают место более реальным воззрениям. Это обстоятельство побудило нас собрать дошедшие до нас отголоски народного сказа и издать их, придерживаясь той формы, в которую они вылились в слышанной нами передаче.

Поверье о Шайтане и кизиле сообщила отузская помещица Жанна Ивановна Арцеулова, урожденная Айвазовская.





ЭЧКИДАК — КОЗЬЯ ГОРА

Отузская легенда

Али, красавец Али, тебя еще помнит наша деревня, и рассказ о тебе, передаваясь из уст в уста, дошел до дней, когда Яйла услышала гудок автомобиля и выше ее гор, сильнее птицы взвился бесстрашный человек.

Не знаю, перегнал бы ты их на своем скакуне, но ты мог скорее загнать любимого коня и погубить себя, чем поступиться славой первого джигита.

Быстрее ветра носил горный конь своего хозяина, и завидовала отузская молодежь, глядя, как гарцевал Али, сверкая блестящим набором, и как без промаха бил он любую птицу на лету.

Недаром считался Али первым стрелком на всю долину и никогда не возвращался домой с пустой сумой.

Трепетали дикие козы, когда на вершинах Эчкидага из-за неприступных скал появлялся Али с карабином на плече.

Только ни разу не тронула рука благородного охотника газели, которая кормила дитя. Ибо благородство Али касалось не только человека.

И вот как-то, когда в горах заблеяли молодые козочки, зашел Али в саклю Урмиэ.

Урмиэ, молодая вдова, уснащавшая себя пряным ткна¹ лишь для него одного, требовала за это, чтобы он беспрекословно исполнял все ее причуды. Она лукаво посмотрела на Али, как делала всегда, когда хотела попросить что-нибудь исключительное.

— Принеси мне завтра караджа.

— Нельзя. Не время бить коз. Только что начали кормить, ведь знаешь, — заметил Али, удивившись странной просьбе.

— А я хочу. Для меня мог бы сделать.

— Не могу.

— Ну так уходи. О чем разговаривать.

Пожал плечами Али, не ожидал этого, повернулся к двери.

— Глупая баба.

— К глупой зачем ходишь? Сеит-Мемет не говорит так. Не принесешь ты — принесет другой, а караджа будет. Как знаешь!

Вернулся Али домой, прилег и задумался. В лесу рокотал соловей, в виноградниках звенели

¹ Ткна (хна) — красная краска, которой татарки, по обряду, покрывают волосы и пальцы рук и ног.

цикады, по небу бегали одна к другой в гости яркие звезды.

Никто не спал, не мог заснуть и Али. Клял Урмиэ, знал, что дурной, неладный она человек, а тянуло к ней, тянуло, как пчелу на сладкий цветок.

— Не ты — принесет другой.

Неправда, никто не принесет раньше.

Али поднялся.

Начинало светать. Розовая заря ласкала землю первым поцелуем.

Али ушел в горы по знакомой ему прямой тропе.

Близко Эчкидаг. Уже вскарабкался ловкий охотник на одну из его вершин, у другой теперь много диких коз, караджа. Нужно пройти Хулах-Иернын — Ухо Земли. Так наши татары называют провал между двумя вершинами Эчкидага. Глубокий провал с откосной подземной пещерой, конца которой никто не знает. Говорят, доходит пещерная щель до самого сердца земли; будто хочет земля знать, что на ней делается: лучше ли живут люди, чем прежде, или по-прежнему вздорят, жадничают, убивают и себя, и других.

Подошел Али к провалу и увидел старогостарого старика с длинной белой бородой, такой длинной, что конец уходил в провал.

— Здравствуй, Али, — окликнул старик. — Что так рано коз стрелять пришел?

— Так нужно.

— Все равно не убьешь ничего.

Подошел ближе Али, исчез в провале старик.

— Ты кто будешь?

Не ответил, только оборвавшиеся камни в провале побежали; слушал-слушал Али и не мог услышать, где они остановились. Оглянулся на гору. Стоит стройная коза, на него смотрит, уши наставила.

Прицелился Али и вдруг видит, что у козы кто-то сидит и доит ее; какая-то женщина, будто знакомая. Точно покойная его сестра.

Опустил быстро карабин, протер глаза. Коза стоит на месте, никого подле нее нет.

Прицелился вновь, и опять у козы женщина. Оглянулась даже на Али. Побледнел Али. Узнал мать такой, какой помнил ее в детстве. Покачала на него головой мать. Опустил Али карабин.

— Аналэ, матушка родная!

Пронеслась по тропинке под скалой пыль. Стоит опять коза одна, не шевелится.

— Сплю я, что ли, — подумал Али и прицелился в третий раз.

— Коза одна, только в двух шагах от нее ягненок. Причудилось, значит, все, и навел Али карабин, чтобы вернее, без промаха, убить животное прямо в сердце.

Хотел нажать курок, как увидел, что коза кормит ребенка, дочку Урмиэ, которую любил и баловал Али, как свою дочь.

Задрожал Али, похолодел весь. Чуть не убил маленькую Урмиэ.

Обезумел от ужаса, упал на землю, долго ли лежал — не помнил потом.

С тех пор исчез из деревни Али. Подумали, что упал со скалы и убился.

Долго искали, не нашли. Тогда решили, что попал он в Хулах-Иернын и нечего искать больше.

Так прошло много лет.

Алиева Урмиэ стала дряхлой старухой, у маленькой Урмиэ родились дети и внуки; сошли в могилу сверстники джигита, и народившиеся поколения знали о нем только то, что дошло до них из уст отцов и где было столько же правды, сколько и народного домысла.

И вот раз вернулся в деревню хаджи Асан, столетний старик, долгое время остававшийся в священной Мекке. Много рассказал своим Асан, много чудесного, но чудеснее всего было, что Асан сам, своими глазами увидел и узнал Али.

В Стамбуле, в монастыре дервишей происходило торжественное служение. Были принцы, много франков и весь пашалык. Забило думбало, заиграли флейты, и закружились в экстазе священной пляски-молитвы святые монахи. Но бесценнее всех кружился один старик. Как горный вихрь мелькал он в глазах восторженных зрите-

лей, унося мысль их от земных помыслов, но силой всего своего существа отдававшийся страсти своего духа.

— Али! — воскликнул Асан, и, оглянувшись на него, остановившись на мгновение, дервиш снова бешеным порывом ушел в экстаз молитвы.

Пояснения

Легенду сообщил отузский татарин Абляким-Амит-оглы. Гора *Эчки-даг*, поднимающаяся на высоту 2100 футов, отделяет отузскую долину от козской. По склону Эчки-дага идет, на протяжении пяти верст, шоссе из Отуз к Судаку. Татары говорят, что у вершины горы действительно существует провал без дна, который они называют *Ухом Земли* (Хулах-Иернын). В лесу, которым покрыты склоны Эчки-дага, еще недавно охотники били диких коз (*караджа*). В моем детстве, в шестидесятых годах, дикая коза продавалась в изобилии на феодосийском рынке, а в тридцатых годах, по словам стариков, эта дичь ценилась не дороже 75 коп. за штуку. *Ткна* — красная краска, которой татарки, по обряду, покрывают волосы и пальцы рук и ног. Под именем франков турки понимают вообще иностранцев. *Пашалык* — генералитет. Монашеский орден *дервишей* (нищих) особенно чтим крымскими татарами. Они считают дервишей святыми, имеющими власть изгонять недуг из больных. Во время молитвы, которая сопровожда-

ется вскрикиваниями — Бог все движет! (Гувз!), дервиши начинают вертеться, причем постепенно учащая темп движения, доходят до экстаза. В России служение дервишей происходит в одной только Бахчисарайской мечети. *Думбало* — огромный барабан, в который бьют с обеих сторон легким деревянным молотком сверху и тросточкой снизу.





СВЯТАЯ МОГИЛА

Отузская легенда

Это было назад лет триста, а может быть, и больше. Как теперь, по долине бежал горный поток; как теперь, зеленели в садах ее склоны, и, как теперь, на пороге деревни высился стройный минарет отузской мечети.

В двух шагах от нее, где раскинулся вековечный орех, стояла тогда, прислонившись к оврагу, бедная сакля хаджи Курд-Тадэ.

Ни раньше, ни потом не знали в деревне более праведного человека.

Никто никогда не слышал от него слова неправды, и не было в окрестности человека, которого не утешил бы Курд-Тадэ в горе и нужде.

Бедняк не боялся отдать другому кусок хлеба и на случайные гроши успел сходить в Мекку и вырыть по пути два фонтана, чтобы утолять жажду бедного путника.

Святое дело, за которое Пророк так охотно открывает правоверному двери рая.

— Святой человек, — говорили в народе, и каждый с благоговением прижимал руку к груди, завидев идущего на молитву хаджи.

А шел он творить намаз всегда бодрой походкой не уставшего в жизни человека, хотя и носил на плечах много десятков лет.

Должно быть, Божьи ангелы поддерживали его, когда старые ноги поднимались по крутым ступенькам минарета, откуда он ежедневно слал во все стороны свои заклинания.

И было тихо и радостно на душе; светло — точно Божий луч начинал уже доходить до него с высоты Небесного престола.

Но никогда нельзя сказать, что кончил жить, когда еще живешь.

Как ни был стар хаджи Курд-Гадэ, однако радостно улыбался, когда глядел на свою Раймэ, земной отзвук гурий, которые ждали его в будущем раю.

Когда падала фата и на святого хаджи глядели ее жгучие глаза, полные ожидания и страсти, сердце праведника, дотоле чистый родник, темнилось отражением греховного видения.

И забывал хаджи старую Гульсун, верного спутника жизни. А Раймэ, ласкаясь к старику, шептала давно забытые слова и навевала дивные сны давних лет.

Пусть было б так. Радуетесь, когда после зимнего савана затеплится, зазеленеет земля; отчего было не радоваться и новому весеннему цветку?

И не знал хаджи, какие еще новые слова благодарения принести Пророку за день весны на склоне лет.

И летело время, свивая вчера и сегодня в одну пелену.

Только раз, вернувшись из сада, не узнал старик прежней Раймэ. Такие глубокие следы страданий запечатлелись на ее прекрасном лице, такое безысходное горе читалось в ее взоре.

«Раймэ, что с тобой?» — подумал он, но не сказал, потому что замкнулись ее уста.

И подул ночью горный ветер, и донес до спящего Курд-Тадэ речь безумия и отчаяния.

— Милый, желанный, свет души моей. Вернись. Забудь злую чаровницу. Вернись к своей любимой, как ты ее называл. Вернись и навсегда. Скоро старый смежит очи, и я буду твоей, твоей женой, твоей маленькой, лучистой Раймэ.

Проснулся Курд-Тадэ и не нашел близ себя юного тела, а на пороге сеней в безысходной тоске стенала, сжимая колени, молодая женщина.

Чуть-чуть начинало светать. Скоро муэдзин пропоет с минарета третью ночную молитву. Хаджи, не замеченный никем, вышел из усадьбы и пошел к Папастепэ.

На середине юры некогда ютился греческий храм, и от развалин храма вилась по скале на самый катык узкая тропинка.

Никто не видел, как карабкался по ней старый Курд-Тадэ, как припал он к земле на вершине горы, как крупная слеза скатилась впервые из глаз святого.

Не знал хаджи лжи. А ложь, казалось, теперь стояла рядом с ним, обвивала его, отделяла, как густой туман, душу его от вершины горы, к которой он припал.

И услышал он голос Духа. И ответил хаджи на этот голос голосом своей совести:

— Пусть молодое вернется к молодому, и пусть у молодости будет то, что она боится потерять.

Если угодна была моя жизнь Аллаху, пусть Великий благословит мое моление.

И в моленье, не знаящем себя, душа святого стала медленно отделяться от земли и уноситься вдаль, в небесную высь.

И запел в третий раз муэдзин.

И голос с неба сказался далеким эхом:

— Да будет так.

С тех пор на гору к могиле святого ходят отузские женщины и девушки, когда хотят вернуть прежнюю любовь.

ПОЯСНЕНИЯ

Крымские татары чтут могилы праведных людей — азизов. Признание азизом совершается обыкновенно после того, как несколько почтенных лиц засвидетельствуют, что видели на могиле зеленоватый свет и что над поклонявшимися могиле совершались чудеса. Если имя святого не сохранилось в народе, то азиз именуется по местности, где он погребен; так, *Святая могила* на Папастепэ принадлежит неизвестному азизу. Но в детстве я слышал имя хаджи *Курд-Тадэ*, которое приурочивалось к Святой могиле, почему я и привожу это имя в легенде. Звание *хаджи* присваивается лицам, посетившим Мекку. Посещение этого священного города установлено ст. 192 главы 2 и ст. 91 главы 3 Корана. По возвращении хаджи из Мекки его встречает вся деревня с великим преклонением и провозглашением *хаджи*, освященным Св. Духом. *Минарет* — каменная или деревянная башенка, с внутренней лестницей и балконом, откуда муэдзин совершает свой призыв. *Муэдзин* — дьякон. В час молитвы он, после омовения, поднимается на минарет (могут и другие лица) и, обходя кругом балкончик, возглашает нараспев: «Великий Боже, исповедаю, что нет Бога, кроме Аллаха и Магомет его пророк». Затем, оборачиваясь на восток, он называет иноверцев дурным народом, а на юг шлет призыв: «О, достойный народ, приходи к поклоне-

нию, приходи к спасению!» *Намаз* — молитва. По учению Магомета, намаз следует совершать пять раз в день, а именно: при заходе солнца, два часа спустя, перед рассветом, в полдень и в три часа пополудни.





ШАЙТАН-САРАЙ

Ялы-богазская легенда

— Расскажи, Асан, почему люди назвали этот дом Чертовым.

Асан сдвинул на затылок свою барашковую шапку — было жарко — и усмехнулся.

— Расскажу — не поверишь. Зачем рассказывать!

Мы сидели под плетнем у известного всем в долине домика в ущелье Ялы-Богаз. Ущелье, точно талия красавицы, делит долину на две. На север — отузская деревня с поселками, старые помещичьи усадьбы, татарские сады. На юг — виноградники, сбегаящие по склонам к морю, и среди них беленькие домики нарождающегося курорта.

Зная Асана, я промолчал.

— Если хочешь, расскажу. Только ты не смейся.

Шайтан где поселится, скоро оттуда не уйдет. Жил здесь грек-дангалак, клады копал. Нашел — не нашел, умер. Жил армянин богатый, людей не любил, деньги любил, умер. Потом чабаны собирались ночью, виноград крали, телят резали, вместе кушали, друг друга зарезали. Так наши старики говорили. Потом никто не жил. Один чабан Мамут, когда на горе пас барашек, прятал в дом свою хурду-мурду. Еще хуже вышло.

И Асан рассказал случай, имевший, как говорят, место в действительности.

— Видишь развалины на горе, под скалой? Там была прежде греческая келисе. Давно была. Теперь стенка осталась, раньше крыша держалась, свод был.

Один раз случилась гроза. Дождь большой пошел, вода с гор побежала, камни понесла. Мамут загнал барашек за стенку, сам спрятался под свод. Стоит, поет. Веселый был человек. Горя не знал. А дождь больше и больше.

— Анасыны, — говорит. Надоело ему. Нечего было делать, в руках таяк, которым за ноги барашек ловят. Давай стучать по стене. Везде так, в одном месте не так. Еще постучал. «Может, клад найду», — думает. Хочет выломать камень из стены. Вдруг слышит:

— Эй, Мамут, не тронь лучше! Плохо будет.

Посмотрел — никого нет.

Начал камень выбивать.

— Не тронь, — слышит опять, — будешь богатым, червонцем подавишься.

Сплюнул Мамут.

— Анасыны, бабасыны; врешь, Шайтан, богатым всегда хорошо.

Навалился как следует и сдвинул камень с места. Видит печь, а в ней кувшин с червонцами. Ахнул Мамут. Столько золота! На всю деревню хватит. Задрожал от радости, спешит спрятать клад, чтобы другие не увидели.

Только камень назад не пошел. Высыпал все червонцы в чекмень, завернул в узел, под куст до вечера положил.

Дождь прошел, выгнал стадо пасти, а сам на куст смотрит. Куст горит — не горит, дымится.

— Вай, Алла!

Солнце еще высоко, в деревню нескоро; стал думать, какой богатый человек теперь будет. Принесет червонцы домой, отдаст жене:

— На! Сам падишах больше не даст, а я, чабан, все тебе подарю.

Положим, не подарю, только так скажу. Смеется сам.

— Куплю себе дом в Ялы-Богазе, дом на дороге, открою кофейню, стадо свое заведу, чабаны свои будут. Ни одна овца не пропадет. Украдет чабан — сейчас поймаю. Первый богач в Отузах буду.

Так думал Мамут, ждал, когда солнце за Папастепэ зайдет — гнать стадо домой. И гнал так, что сам удивлялся. Бежал сам, бежали барашки, бежали собаки.

Прибежал к себе, развернул на полу чекмень, позвал жену.

— Смотри!

С ума сошла женщина от радости, побежала к соседке, та — к другой. Вся деревня собралась, поздравляют Мамута. Один имам прошел мимо, покачал головой; знал разные случаи.

Послал Мамут за бараниной. Десять ок на червонец дали, бабам каурму велел варить.

— Кушайте все, вот какой я человек, не как другие.

Стали хвалить Мамута:

— Добрый человек, хороший человек, уважаемый будешь человек.

Смотрели червонцы. Чужие, не похожи на турецкие. Сотский советовал позвать караима Шапшала. Шапшал виноград покупал, образованный человек был. Позвали. Обещал помочь. Скоро поедет в Стамбул, там разменяет на наши деньги. Только третью часть себе требует. Поторговались, сошлись на четвертой. Отдал Мамут все червонцы, себе немного на баранину оставил. Не спал ночью, все думал, что много дал за хлопоты. Обидно было. Мучился человек.

На другой день стадо не погнало. Когда богатый, разве будешь чабаном! Пошел дом покупать в Ялы-Богазе. Никто не жил в доме — дешево продали. Без денег, в долг купил. Мулла татарламу сделал по шариату. Мастеров нанял дом поправить. Без денег пошли, знали, что Мамут самый богатый человек на деревне.

Ждет Мамут караима Шапшала. Все не едет. Пришла ураза, нельзя целый день кушать. Недоволен Мамут, к баранине привык. Стал бранить потихоньку старый закон, а Шайтан смеется: «Скоро Мамут моим будет!»

По ночам слышит Мамут чужой голос: «Обманул тебя Шапшал. Пропали червонцы. Никогда не увидишь их».

Хмурый встает поутру Мамут. Все радуются: скоро Курбан-байрам; Мамут сердит на всех, не думает о празднике.

Один раз в деревне услышали колокольчик. Приехал начальник. Бежит сотский за Мамутом.

— Иди, тебя зовет.

— Зачем?

— Ты клад, говорит, нашел; куда его девал?

Испугался Мамут.

— Скажи, не нашел.

— Как скажу? Все знают.

— Ну, скажи дома нет.

Почесал сотский затылок и ушел к начальнику.

А Мамут взял со стены ружье и ушел через сады в Ялы-Богаз.

Над ущельем нависла черная туча, темно стало, буря началась. Вспомнил Мамут тот день, когда клад нашел.

Ветер деревья ломает, в трубе воет; собаки на дворе воют, нехорошо воют: покойника чувят.

Положил Мамут чекмень на пол, лег спать. Заснул, не заснул — не знает.

Только видит, в углу на корточках сидят гости: белый, черный, грек-дангалак, армянин-хозяин, зарезанные чабаны. Сидят, тихонько разговаривают, боятся разбудить Мамута. Пошевелился Мамут. Погладил длинную бороду белый.

— Мамут, к тебе пришли. Сначала я скажу, потом он скажет. Посмотрим, кого послушаешь...

Долго говорил белый, душу спасти просил, на мечеть мулле дать, бедному соседу дать, сироту в дом принять. Напишет мулла в Стамбул, поймают Шапшала, вернут в Отузы деньги. Не будет Мамут в тюрьме сидеть: начальника хорошо попросят. Когда начальника хорошо просить, начальник добрый будет.

Смеется черный:

— Только Шапшала где найдешь? Давно из Стамбула ушел. Хочешь деньги, можно иметь деньги. Скоро начальник поедет. Насыпь боль-

ше дробы в ружье. Ближко поедет. Будет много денег.

Поднялся Мамут на ноги: точно провалились все его гости; только пол заскрипел. Слышит — звенит колокольчик. Зарядил ружье, за окошко спрятался.

Шагом едет начальник, дорога плохая. Вспомнил о Мамутовом кладе, оглянулся на дом. Блеснуло в окне что-то, пошел по горам гулять выстрел.

Позади ехали верховые; бросились к дому, схватили Мамута, скрутили кушаком ему руки. Не боролся Мамут, знал, что пропал человек.

Сидит Мамут в тюрьме: не пьет, не ест, позеленел, всю ночь с кем-то разговаривает. Страшно караульному: один, а на два голоса разговаривает. Сумасшедший, думает. Вдруг видит, стал Мамут рвать на себе шаровары, схватил что-то в руку, запрыгал от радости. Не стал караульный дальше смотреть, зашел за дверь; не видел, как вскочил к Мамуту зеленый Шайтан, как руку на плечо положил.

— Прячь скорей свой последний червонец; увидят — отберут. Прячь в рот.

Сунул Мамут в рот червонец. Зазвенел засов тюрьмы. Глотнул Мамут и удавился.

Узнали в деревне, что удавился червонцем Мамут, говорили:

— Жадный был человек, глупый был человек, дом в Ялы-Богазе купить захотел. Кто в Ялы-Богазе может жить! Нечего жалеть такого человека!

С того времени никто в этом доме не живет и народ называет шайтан-сарай.

Помолчал Асан, а потом прибавил:

— Может быть, и теперь Шайтан здесь живет. Кто знает! Шайтан где станет жить, долго оттуда не уйдет!

ПОЯСНЕНИЯ

Этот домик, принадлежащий ныне одному армянину, по-прежнему остается нежилым. Случай с кладом, найденным чабаном в стене развалины церкви Успенья Богоматери, рассказывал моему отцу, Александру Карловичу Марксу, в шестидесятых годах прошлого столетия феодосийский исправник Изнар. Развалины церкви на *Келисэ-кая* (церковная гора) сохранились до наших дней. *Чабан* — пастух. *Таяк* (копыто) — посох с крюком, которым чабан ловит овцу за ногу. *Око* — мера веса, 3 фунта. *Ураза*, или рамазан-байрам, — годовой праздник, который начинается с десятого новолуния и продолжается три дня. Празднику предшествует месячный пост, в течение которого татары от восхода солнца и до заката не едят, не пьют и не курят. Пост установлен в память поста Магомета на горе Хора, куда он удалился на сороковом году жизни для поста

и молитвы на целый месяц. Относительно *кладов* у татар существует ряд поверий. Так, например, есть поверье, что, если положивший клад умрет, сотворив заклятье, то такой клад переходит во власть Шайтана, и тогда нашедший клад и воспользовавшийся им, не зная заклятья, непременно погибнет.





СВЯТАЯ КРОВЬ

Туклукское предание

Что это за рой кружится над церковкой, старой Туклукской церковкой греческих времен?

Не души ли погибших в святую ночь Рождества?

Еще не знали в Крыму Темура Аксака, но слух о хромом дьяволе добежал до Тавра, и поднялся в долине безотчетный страх перед надвигавшейся грозой.

Плакали женщины, беспокойно жались к матерям дети и задумывались старики, ибо знали, что, когда набегают волна, не удержаться песчинке.

Скорбел душой и отец Петр, благочестивый старец, не носивший зла в сердце и не знавший устали в молитве. Только лицо его не выдавало тревоги. Успокаивал до времени священнослужитель малодушных и учил мириться с волей Божией, как бы ни было тяжело подчас испытание.

Так шли дни, близилось Рождество — праздник, который с особенной торжественностью проводили греки в Туклуке.

По домам готовились библейки, выпекалась василопита — хлеб святого Василия с деньгой, которая должна достаться счастливейшему в новом году.

Лучше, чем когда-либо, поднялся хлеб Зефиры, двадцатилетней дочери Петра, и мечтала Зефира, чтобы вложенная ею в хлеб золотая монета досталась юноше, которого ждала она из Сугдеи с затаенной радостью. Только не пришел он, как обещал. Стало смеркаться, зазвучало церковное било вечерним призывом, а юноши все не было. Склонив в печали голову, стояла в церкви девушка, слушая знакомые с детства молитвенные возгласы отца.

И казалось ей, что никогда еще не служил отец так, как в эту ночь. Точно из недр души, из тех далеких пределов, где человеческое существо готово соприкоснуться с божественным откровением, исходило его благодное слово.

Веяло от него теплом мира, и под песенный напев в тумане сумерек при мерцании иконостасных лампад чудился Кто-то в терновом венце, учивший не бояться страданий.

Каждый молился, как умел, но тот, кто молился, понимал, что это так.

Смолкнул священник, прислушался. С улицы доносился странный шум.

Смутились прихожане. Многие бросились вон из церкви, но не могли разобрать, что делалось на площади. Они только слышали дикие крики, конский топот, бряцание оружия, проклятия раненых.

Побледнел, как смерть, отец Петр. Сбылось то, что поведал ему как-то пророческий сон.

— Стойте, — крикнул он обезумевшей от ужаса толпе. — И слушайте! Бог послал тяжкое испытание. Пришли нечестивые. Только вспомним первых христиан и примем смерть, если она пришла, как подобает христианам. В алтаре, под крестом, есть подземелье. Я впущу туда детей и женщин. Всем не уместиться, пусть спасутся хоть они.

И отец Петр, сдвинув престол, поднял плиту и стал впускать детей и женщин по очереди.

— А ты? — сказал он дочери, когда осталась она одна из девушек. — А ты?

— Я при тебе, отец.

Благословил ее взором отец Петр и, подняв высоко крест, пошел к церковному выходу.

На площади происходила последняя свалка городской стражи с напавшими чагатаями Темура.

С зажженной свечой в одной руке и крестом в другой, с развевающейся белой бородой, в парчовой ризе, стоял отец Петр на пороге своей церкви, ожидая принять первый удар.